

9 декабря 1830 года А. С. Пушкин писал в Петербург из Москвы своему другу, литератору П. А. Плетневу в ответ на его письмо:

«Итак, русская словесность с головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрел и Дельвиг? охота ему было печатать конфетный билетик этого несносного Лавинья. Но все же Дельвиг должен оправдаться перед государем... А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона».

А 14 января 1831 года Антон Дельвиг, издатель «Литературной газеты», поэт, ближайший друг Пушкина, умер. Эта весть необыкновенно быстро достигла Москвы и Пушкина. Уже 21 января он вновь писал Плетневу:

«Что скажу тебе, мой милый! ужасное известие получил я в воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову (тесть Дельвига. — В. О.) объявить ему все — и не имел духу. Вечером получил твое письмо. Грустно, тоска».

Отчего же в расцвете творческих сил на 33-м году жизни умер талантливый поэт Антон Антонович Дельвиг? Постараемся в какой-то мере воскресить обстановку последних лет его жизни и ответить на этот вопрос.

В 1829 году литераторы, группировавшиеся вокруг Пушкина, решили добиться учреждения в Петербурге своего печатного органа. Правда, почти все они были чрезвычайно заняты: Пушкин постоянно разъезжал, Жуковский и Плетнев преподавали наследнику престола, Вяземский жил в Москве. А потому издателем выбрали поэта Антона Дельвига, проживавшего в столице и состоявшего на необременительной службе в одном из департаментов. Зная о параграфе 19 цензурного устава 1828 года, который запрещал газетам и журналам заниматься политикой, 10 декабря 1829 г. Антон Дельвиг обратился с таким прошением в Санкт-Петербургский цензурный комитет:

«Имею я желание с начала будущего 1830 года издавать здесь, в Санкт-Петербурге «Литературную газету» по прилагаемой программе, из которой цензурный комитет

благоволил усмотреть, что я вовсе не намерен в предлагаемом мною по временном издании касаться политики или предметов, кои не относятся собственно к словесности, наукам или искусствам».

Так появилась на свет «Литературная газета», душою которой сразу же стал Пушкин. По виду это скорее был все-таки журнал, чем газета. Александр Тургенев называл его то так, то эдак. Он писал П. А. Вяземскому:

«Найдите статью мистическую, которую я отметил карандашом. Эта партия подыскивает себе единомышленников».

По предположению современного советского исследователя «Литературной газеты» Г. Галина, речь идет о номере от 8 октября, в котором без подписи помещено прозаическое произведение «Два видения. Аллегория».

«Если образ юной девы в белых одеждах — это аллегория свободы, то

его единомышленников можно назвать печатание ими в «Литературной газете» произведений, созданных декабристами. Имена их были под запретом, и произведения печатались анонимно. «31 января 1830 года, — пишет Г. Галина, — появилась статья Вильгельма Кюхельбекера «Мысли о Макбете». 1 апреля — стихотворение Александра Одоевского «Элегия. На смерть А. С. Грибоедова»; 26 апреля — сти-

хотворение «Старича-про-рочица»; 6 мая — «Узница Востока»... 11 мая — стихотворение Бестужева «Часы» и т. д.

«Кто это у вас печатает пьесы, очень мне близкие по тому, что в них говорится, — писал Кюхельбекер из Динабургской крепости Пушкину 20 октября 1830 года. — Не Александр ли О.? Мой и Искандера питомец?».

Кюхельбекер не рисковал назвать ни полное имя декабриста, ни подлинное имя Искандера. Но Пушкину было ясно, что О. — это Одоевский, а Искандер — Александр Грибоедов.

Издатель газеты «Северная пчела», реакционный журналист и агент III отделения Фаддей Булгарин не раз «по инстанции» доносил на сотрудников «Литературной газеты», обвиняя их в пропаганде волюнтаризма. Естественно, что «Литературная газета» не сносила молча эти угрозы. Статья Пушкина «О Записках Видока» разоблачала Булгарина как «полицейского сыщика», человека... живущего ежедневными до-несениями, «шпиона».

Начались вызовы Дельвига в III отделение. В августе 1830 года за помещение трех слов: «Аристократов к фонарю» (из французской революционной песни) — его «распекли». В 61-м номере за 1830 год газета напечатала на французском языке стихи поэта Казимира де ла Виньи на памятник жертвам фран-

цузской революции. Вот их перевод: «Франция, назови мне их имена! Я их не вижу на этом печальном памятнике: они победили так скоро, что ты стала свободной раньше, чем успела их узнать».

Двоюродный брат Дельвига А. И. Дельвиг в мемуарах «Полвека русской жизни» рассказывал со слов поэта о том, что произошло дальше:

«Бенкендорф самым грубым образом обратил-ся к Дельвигу с вопросом:

«Смело, слишком много здоровья уносили у него эти вызовы, нотации и прямые угрозы».

Не улыбнулось ему и личное счастье. Жена его Софья Михайловна блистала умом и красотой, но и увлекалась некоторыми гостями своего салона. В тяжелые минуты завидовала Дельвигу рано умершему юноше-римлянину из своей элгии, красивой и печальной, написанной еще в 1823 году:

Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, —
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!
Горечью и укором к жене пронизаны строки одного из последних стихотворений Дельвига:

За что, за что ты
отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
Верь сердцу, я тебя люблю!
И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.

Некоторые современники писали, что смерть Антона Дельвига последовала от простуды, «гнилой горячки», которую он схватил в жестокие январские морозы. Другие говорили, что организм его был подорван тяжелыми переживаниями внутри-семейной жизни. Но ока-зались более всех правы третьи, утверждавшие, что Дельвига свело в могилу непрерывное преследова-ние царских властей в те-чение всего 1830 года. Это подорвало его жиз-ненные силы, ослабило организм, не устоявший против пустяковой просту-ды.

Из всех высказываний на этот счет наиболее мет-ким явилось замечание Пушкина. В журнале «Русская старина» № 12 за 1908 год было помеще-но письмо П. В. Нащоки-на к Н. М. Коншину:

«Когда известие о смер-ти барона Дельвига при-шло в Москву, тогда мы были вместе с Пушкиным, и он, обратясь ко мне, сказал: «Ну, Воинич, дер-жись, в наши ряды по-стреливать стали».

Василий ОСОКИН.

«КОГДА ЕЩЕ Я НЕ ПИЛ СЛЕЗ...»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАСКОПКИ